

Гу Чжису почти не обращал внимания на мелкие действия Цинхуань. Зимний ветер с каждым днем всё больше напоминал лезвие ножа, а он свернулся калачиком в кресле-качалке, опустив глаза и сжимая в руке нефритовую подвеску с двумя рыбами. Он задумчиво смотрел на снежинки, проникающие через щели в оконной раме, и тихо прошептал:

— Снег идет...

В прошлой жизни в дождливые и снежные дни корни его отрезанных ног болели так сильно, что он едва мог терпеть. Слуги и служанки в императорском дворце почти все боялись его, и даже видя, как он страдает, не осмеливались подойти и спросить. Он тоже не хотел, чтобы кто-то видел его слабость, поэтому целыми днями лежал в постели, стараясь просто терпеть, надеясь, что это пройдет само собой — пока однажды Чанъань, пришедший во дворец, чтобы навестить его, не заметил неладное. Нахмурившись, он приказал приготовить лекарственный отвар и, несмотря на сопротивление Гу Чжису, снял с него одежду и поместил его в воду. Боль не исчезла полностью, но постепенно ослабевала.

С тех пор, как его ноги были отрезаны в Холодном дворце, и он был ранен мечом, Чанъань всегда заботился о нем, словно не замечая его ужасного вида. Он не знал, о чем думал Чанъань, глядя на него, и никогда не осмеливался спросить. Сопrotивляясь, он в конце концов сдавался, позволяя тому заботиться о нем и держать его на руках, как ребенка.

Между ними никогда не было физической близости, максимум — они спали в обнимку. Но в те темные времена только шаги Чанъань, твердые и уверенные, придавали цвет пустым залам дворца.

Тогда, находясь в императорском дворце, он всегда смотрел на этого человека и думал, что, несмотря на то, умрет он или нет, он сделает все, чтобы защитить его жизнь.

Но даже самая тщательная защита может дать сбой, и Чанъань все равно умер, причем раньше него.

Гу Чжису очнулся от воспоминаний, наполненных запахом крови, и снова посмотрел на окно, через щели которого дул холодный ветер и летели снежинки. Цинхуань, следуя взгляду господина, заметила щель и поспешила закрыть окно, одновременно рассказывая о последних новостях:

— Несколько дней назад, когда я была во дворе, я слышала, как служанки из других дворов обсуждали, что дворцовые садовники каким-то образом заставили все грушевые деревья в саду зацвести. Весь Минду теперь пытается повторить это, но, к сожалению, хотя в вашем дворе есть грушевое дерево, я не знаю, как заставить его зацвести, и не знаю, как выглядят зимние груши...

Гу Чжису, услышав это, замер, и его пальцы, гладившие подвеску, остановились. Через некоторое время он глубоко вздохнул, закрыл глаза и произнес тихим, едва слышным голосом:

— Груши, цветущие зимой, должны быть прекрасны.

Цинхуань, услышав, что его голос стал хриплым, подумала, что он простудился от ветра, и поспешила принести ему плащ, а затем передвинула жаровню ближе.

— Молодой господин?

Гу Чжису почувствовал, как его замерзшие конечности постепенно согреваются от жаровни и

теплой одежды. Перед его глазами появилось легкое раздвоение, но он не мог разглядеть его четко. Тогда он слегка улыбнулся и тихо ответил:

— Я в порядке... просто вспомнил, что через день мне нужно будет отправиться во дворец для приветствия.

Госпожа Синь, будучи старшей принцессой, вышла замуж за Гу Вэньмяня, а единственная законная дочь старой госпожи, Гу Вэньюй, естественно, стала наложницей во дворце. Хотя по статусу она могла бы стать императрицей, нынешний император в этом вопросе был непреклонен и, взойдя на престол, возвел на трон простолюдинку, а Гу Вэньюй пришлось довольствоваться титулом драгоценной наложницы.

Теоретически, клану Гу было бы проще всего поддержать принца с кровью Гу, чтобы он взошел на трон. Однако Гу Вэньюй, находясь во дворце много лет, так и не забеременела, не говоря уже о рождении принца с кровью Гу. Зато императрица, возведенная на престол, менее чем через год родила шуана с врожденной умственной отсталостью, который по указу императора был назначен наследным принцем.

Гу Чжису всегда удивлялся этому. Почему император назначил наследным принцем умственно отсталого шуана, зная о его недостатках?

Синь Линьхуа мечтал о троне, как и другие принцы, жаждущие власти. Разве назначение наследным принцем человека с явными недостатками не было прямым намеком на то, что те, кто хочет власти, должны сначала убить наследника?

В прошлой жизни он долго размышлял над этим, но так и не смог понять логику императора. Однако однажды, случайно обсуждая это с Чанъань, тот усмехнулся и ответил:

— Может быть, это было требование императрицы, и покойный император не смог отказать? Кто знает, что он думал.

Тогда он подумал, что если даже Чанъань, сын императора, не может понять, то он, узурпатор, тем более не сможет.

Но позже Чанъань серьезно сказал ему, что покойный император больше всего любил императрицу среди всех своих наложниц. Возможно, он, зная, что сын императрицы — шуан, специально рано назначил его наследным принцем, чтобы выявить тех, кто жаждет власти, и самому с ними разобраться. А когда императрица родит нормального ребенка, он назначит его наследником. Однако императрица родила только одного шуана, и император, не имея выбора, мог только наблюдать.

Услышав это, Гу Чжису молчал, не зная, что ответить, и был вынужден принять это объяснение.

Вспоминая те дни, когда они сидели под грушевым деревом, пили чай и беседовали, Гу Чжису тихо вздохнул и расслабился. Он подсчитал, что именно в эту зиму драгоценная наложница Гу серьезно заболела, и даже старая госпожа считала, что это несерьезно, но та не дожила до весны. Беспокоясь за свою дочь, старая госпожа также заболела от горя и умерла через два года.

Сейчас драгоценная наложница Гу казалась лишь слегка больной, и старая госпожа пока была в порядке. Над его головой все еще был зонтик, но если он не успеет взять под контроль резиденцию до смерти старой госпожи, хотя бы обезвредить Гу Хайтан и Госпожу Синь, то

пострадает он сам.

Он помнил, что именно во время этого визита во дворец он впервые встретил Чанъань.

Именно тогда тот намеренно забрал у него подвеску, оставив только ветку груши и загадочную улыбку.

Гу Чжису глубоко вздохнул, встал и подошел к жаровне, тихо прошептал:

— Когда ты пойдешь со мной во дворец, ты все равно увидишь зимние груши. Приготовься, скоро придут новости... Я помню, что в прошлые годы мы все ездили во дворец с княгиней. Даже если в этом году в резиденции произошло много событий, мы обязательно поедем.

Цинхуань, услышав, что нужно готовиться, сразу же с энтузиазмом ответила:

— Да, молодой господин.

Действительно, еще до того, как Гу Хайцин вернулась домой, наступил праздник Дунчжи, и из дворца пришел указ, призывающий всех из резиденции князя И отправиться во дворец, чтобы отпраздновать праздник вместе с императором. Госпожа Синь, получив указ, сначала хотела взять с собой Гу Хайтан, но та внезапно заболела. Взвесив все, Госпожа Синь решила не заставлять дочь идти на банкет.

С точки зрения Гу Чжису, внезапная болезнь Гу Хайтан перед банкетом, вероятно, была вызвана тем, что она скрыла факт домогательств, даже не рассказав об этом Госпоже Синь. К тому же она все еще не оправилась от падения в воду, и, будучи изнеженной женщиной, под гнетом переживаний, естественно, заболела. Это не было чем-то удивительным.

На этот раз Гу Хайтан не могла поехать во дворец, и Госпожа Синь тоже не хотела брать с собой Гу Чжису. Однако старая госпожа и Гу Вэньмянь отказались от этого, и Гу Чжису, как и в прошлой жизни, без проблем сел в карету, направляющуюся во дворец. Он молча сидел в углу, держа в руках грелку, и рассеянно смотрел в окно, игнорируя пронзительный взгляд Госпожи Синь.

Три семьи клана Гу ехали в трех отдельных каретах, взяв с собой всех незаконнорожденных детей. Карета первой семьи первой прибыла ко дворцу, и Гу Чжису, медленно выйдя из кареты вместе с Гу Чжицзин, услышал мягкий и учтивый голос:

— Давно не видел князя И, Линьхуа приветствует вас.

Синь Линьхуа!

<http://bllate.org/book/16652/1525641>